

Знаменитые
Земляки

Василию Павловичу Соловьеву-Седому принадлежат такие слова: «В песню обязательно должно появиться «четвертое измерение» — образ песни. Под этим определением я понимаю... ясную, почти картинную ощутимость места и времени, в которых мелодия могла бы родиться и петься».

Песни В. П. Соловьева-Седого всегда отвечают этому определению. 25 апреля Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий, народному артисту СССР В. П. Соловьеву-Седому исполняется 70 лет.

ОБРАЗ ПЕСНИ

— Василий Павлович, сразу ли вы нашли свое призвание? Сразу ли стали композитором или вам пришлось сначала освоить другие профессии?

— Смотря что считать профессией... Если говорить, чем мне пришлось в жизни заниматься, то перемены будут пестрыми. Приходилось играть на аккордеоне и балалайке, рояле и гитаре. Был режиссером, хореографом и музыкальным руководителем — все это одновременно во фронтовой театральной бригаде «Ястребок». Выступал в качестве музыковеда и даже вставал за дирижерский пульт.

Но во всех этих профессиях считаю себя дилетантом, хотя каждая из них много мне дала.

И хоть нет такой профессии — «импровизатор», но, думаю, что именно это моя первая серьезная музыкальная профессия. С детства я пытался играть на разных инструментах. Музыкального образования у меня тогда не было, но в 20-е годы на это внимания не обращали и пригласили меня аккомпанировать занятиям художественной гимнастикой. Скоро запас знакомых мелодий у меня истощился и волею судьбы пришлось импровизировать. Тогда на радио как раз начались регулярные передачи утренней гимнастики, и я озвучивал их своими импровизациями.

На меня обратил внимание молодой композитор А. Животов и посоветовал мне поступать в музыкальный техникум, который тогда только-только открылся.

— А как вы поступали? Импровизировали перед комиссией?

— Вы улыбаетесь, а так оно и было. Я был почти уверен, что меня не примут. Вместе со мной поступал Никита Богословский, так он в свои 16 лет принес целую книгу сочинений. Я же пришел с пустыми руками. Попросили меня симфонизировать марш, объяснили какой — я все выполнил. На следующий день увидел свою фамилию — В. Соловьев — в списке принятых на композиторское отделение.

— Но ведь ваша фамилия Соловьев-Седой?

— Фамилия всего нашего крестьянского рода — Соловьевы, а «седым» прозвал меня в детстве отец за светлые волосы. Когда выходили из печати мои первые песни, я сделал детское прозвище своим композиторским псевдонимом.

На нотах было написано: «В. Седой. Лирические песни, Соч. 1».

Позже псевдоним и фамилия соединились.

— Василий Павлович, какие встречи с музыкантами повлияли на вас в молодости?

— Еще во время работы в студии художественной гимнастики меня поразили яркостью и техническим блеском импровизации тогдашнего студента Консерватории Евгения Мравинского. Я понял, как важен профессионализм даже для импровизатора. До конца своих дней буду с благодарностью вспоминать моего дорогого учителя — Петра Борисовича Рязанова. Даже критикуя, он умел ободрить. Заметив мое тяготение к мелодичности, русской подголосочности, он стал развивать во мне именно эти качества.

Наконец, мы, только что принятая в Союз композиторов молодежь, испытали на себе доброжелательную заботу тогдашнего главы ленинградских композиторов — Исаака Осиповича Дунаевского.

— Многие ваши песни вошли в наш быт. Они «потерялись» имя автора и поются в народе как безымянные, на равных правах с народными. Так практика подтверждает то, что не раз отмечали критики — близость ваших песен «не букве, но духу» народной песни. Хотите спросить, как вы относитесь к той манере «осовременивания» народных песен, которая сейчас довольно часто встречается на эстраде?

— Время накладывает свой отпечаток на все стороны нашей жизни, в том числе и на музыку.

«Патриархальный» характер народной песни сохраняется в исполнении специальных фольклорных коллективов, иногда в кино, а широкая эстрада, конечно, требует некоторой ревизии, осовременивания, включения старинной мелодии в ритм и темп нашего времени. В этом я не вижу никакого криминала.

Другое дело, что здесь важно чувство меры, такта, важен вкус исполнителя. Как и в любой области творчества, ремесленная поделка тут звучит ужасно, а талантливое исполнение — убеждает.

— Вы выросли как композитор в те годы, когда на советской эстраде впервые появился джаз. Критики находили влияние характерных средств джаза даже в таких ваших песнях, как «Вечер на рейде» и «На солнечной поляноч-

ке». Как вы сейчас относитесь к джазу?

— Его проникновение в нашу музыку связано, по моему, с той же урбанизацией жизни, которая так изменила на эстраде народную песню. К числу несомненных достоинств джазовой музыки отношу ее импульсивность, импровизационную свободу, эмоциональную заразительность.

Кстати, эти свойства покоряют меня не только в джазе. Лет пятнадцать назад в Румынии я услышал выступление румынского народного оркестра, игравшего необыкновенно ярко и зажигательно. В зале все непроизвольно встало и, чуть покачиваясь, вторило ритму. К тому же ни у одного музыканта не было нот. Это впечатление накрепко врезалось в память.

Возвращаясь к джазу, скажу, что его выразительные средства так богаты, что грех было бы оставлять их без внимания. На мой взгляд, наиболее удачно и с чувством меры использовал некоторые средства джаза в своей музыке Арам Ильич Хачатурян. Вообще армянские композиторы находят очень естественное сочетание джазовых влияний со своей национальной музыкой.

— Что вы скажете о таком явлении современной эстрады, как рок-оперы?

Ведь за первой ласточкой — зонг-оперой молодого ленинградца А. Журбина «Орфей и Эвридика» — появились уже другие!

— Нахожу этот опыт принципиально удачным. По моему, авторы успешно решили средствами эстрады довольно сложные тематические задачи. Однако с определенной опаской жду, что темой для рок-оперы может стать какая-нибудь пьеса русской классики. Нужно обращаться с классическим наследием с большой осторожностью. Пример тому — та чуточка, с которой подходят к современной интерпретации классики лучшие мастера нашего театра.

— Вы — автор нескольких вокальных циклов, среди которых «Сказ о солдате» на слова Алексея Фатьянова, «Северная поэма» на стихи Глеба Горбовского. Расскажите, о последнем вашем цикле «Мои современники».

— Прежде всего, не считаю его законченным. При чем задача не столько в том, чтобы дописать еще песни, сколько провести строгий отбор — песен, по своей теме входящих в этот цикл, оказалось слишком много.

— Входят ли в него песни о молодежи? Как вы относитесь к молодым вашим современникам?

— По моему, о моем отношении к ним лучше всего говорит моя музыка. Я как-то не чувствую себя отдаленным от молодежи возрастным барьером. С высоты возраста могу сказать только одно: и сейчас, как и в дни моей молодости, дело молодых на тех, кто устремлен в будущее, и на иждивенцев. Первые, конечно, подавляющее большинство. Но есть и такие, кто слова «наши отцы боролись за то, чтобы лучше и светлее» воспринимает буквально в свой адрес. Забывают, что они — лишь звено в неразрывной цепи поколений, и от них зависит будущее и их детей, и мира.

Мои песни, конечно, не о таких. Мои герои, повторяю, люди устремленные, увлеченные, и в этом я вижу залог молодости не только возрастной, но и душевной, что гораздо ценнее.

— Говорят, творческие способности часто передаются через поколение. Подтверждает ли эту теорию ваш внук Вася?

— Сейчас трудно говорить, кем он станет, пока что — школьник. Но артистические способности у него, безусловно, есть. В школьном спектакле он даже сыграл Хлестакова.

— Традиционный вопрос о творческих планах. Мы помним и любим не только ваши песни, но и оперетту «Самое заветное», и балет «Тарас Бульба», с большим успехом шедший в Кировском театре. Не собираетесь ли вновь обратиться к театру?

— Угадали! Хотя не к оперетте и не к балету. В последнее время у меня завязалось творческое сотрудничество с Московским театром мимики и жеста под руководством В. Знамеровского. Это первый у нас театр такого рода. Коллектив интересный, уже поставивший с моей музыкой спектакль «Подвески королевы». Сейчас пишу для них детскую оперу по Маршаку «Терем-теремок» и «Сказку про козла».

— Оперу — для театра мимики и жеста?

— Звучит забавно, согласен. Но дело в том, что петь будут совсем другие люди. Примерно так, как происходит в телеспектаклях «Кабачок 13 стульев».

— Василий Павлович, ваши песни воспевают Ленинград. Что значит для вас наш город?

— Ленинград всегда был большой радостью моей жизни...

Вы знаете, мне часто приходится уезжать. Первое, что я делаю вернувшись, — иду на набережную Невы. Это потребность, необходимость, как и для каждого ленинградца.